

Сапожник без сапог

Педагог-новатор и убийца мушкетеров едины в одном лице

Вряд ли найдется на территории бывшего СССР человек, который ни разу не напевал «...пора-пора-порадуемся на своем веку... красавице и кубку, счастливому клинку...» — знаменитую песенку мушкетеров, придуманную Юрием Ряшенцевым для знаменитого телесериала. К сожалению, не все знают Юрия Евгеньевича — автора ироничных, мудрых пьес и тонких, умных стихов. Зато несколько сотен вполне добропорядочных граждан, в далеком прошлом злостных хулиганов и лоботрясов, до сих пор ностальгируют по 171-й московской школе для трудных детей, где преподавал литературу молодой педагог. А пара десятков российских литзнаменитостей никогда не забывают, благодаря кому сделали свой первый литературный шаг: Ряшенцев четверть века трудился в отделе поэзии журнала «Юность», где собирались все потенциальные гении рифмы и образа.

Галина ОБЛЕЗОВА

Он живет в Хамовниках. В эту квартиру его родители въехали еще до войны, и у него довоенный номер телефона, только впереди добавилась двойка. Не проходит дня, чтобы за огромный стол, за которым когда-то собиралась большая семья, не сидели друзья, родственники, дети, приятели, коллеги. Каждому впервые приходящему показываются, где холодильник, плита, кофе, кружки...

Юрий Ряшенцев: Я плохой хозяин, да и гостям, мне кажется, так проще.

— Стол у вас просто изумительный — будто из Эрмитажа!

— Почти угадали. Моя мама купила его в Ленинграде, на распродаже дворцовой мебели. Продавец сказал: «Барышня, вы знаете, кто был хозяином стола? Юсупов. За ним Григорий Ефимович перед смертью ужинал!». То есть Распутин. Такая история. Маленькая дочка Гали Полиди, моего соавтора, интерпретировала ее на современный лад: «За этим столом Юрий Евгеньевич убил Машу Распутину».

— Замечу, что это не первое ваше «убийство». Я имею в виду историю с мушкетерами...

— Да, действительно. Несколько лет назад ко мне пришел Миша Боярский и попросил «убить всех нас». Дело в том, что «все они» — Боярский, Смирнский, Смахов, Старыгин — настолько сдружились, вжились в образы мушкетеров, что незавершенность кинодеб персонажей стала отчаянно их мучить. Они решили сняться еще в одном сериале, где погибают. И был написан сценарий с большим

Юрий Ряшенцев и Марк Розовский: на самых известных пьесах их фамилии стоят рядом

количеством эпизодов и новых приключений постаревших мушкетеров, которые заканчиваются гибелью всей четверки.

— Как жалко-то...

— Да, но в фильме должен был действовать странствующий кукольный театрик, по всей Франции показывающий представления из жизни великопленного квартета. И, погибающие мушкетеры тут же воскресали в его спектаклях. «Убийство», однако, так и не состоялось — из-за финансового кризиса.

— Знаете, Юрий Евгеньевич, при всем моем уважении к Боярскому и компании считаю, что мне крупно повезло в свое время увидеть сценический вариант вашей с Розовским пьесы в московском ТЮЗе.

— Я тоже патриот того спектакля с изумительным Д'Артаньяном — Володей Качаном. «Лишний билетик» на него просили от самой Маяковки. К сожалению, спектакль не прожил положенной ему сценической жизни и, несмотря на постоянные аншлаги, был снят из репертуара.

— Скажите, а не обижает многолетняя идентификация вас исключительно с «пора-пора»? Некоторые вашего имени и не слышали никогда, но как скажете «пора-пора...», тут же восклицают: «Ну, конечно, знаем!».

— Автор «Каховки» и «Гренады» Михаил Светлов много еще чего хорошего написал, однако широкие массы знали его по строчке «Гренада, Гренада, Гренада моя...». Я же еще счастливый человек в том плане, что слава, известность никогда не были для меня чем-то важным. У меня даже есть такие строчки: «Мимходом лишь подумаю о славе, но ни пальцем для нее не шевельну...». Когда-то в юности я гораздо больше пережи-

вал, что меня из первой институтской сборной по волейболу хотели перевести во вторую, чем позже из-за того, что нет ни одной книжки, хотя уже столько написано и стихов, и прозы, и пьес...

— На самых известных пьесах — «Три мушкетера», «Бедная Лиза», «История лошади» — стоят две фамилии: Розовский и Ряшенцев...

— Марк Розовский, с которым мы познакомилась в журнале «Юность», привел меня в театр. Обычно все начиналось с поэтических фантазий. Я писал зонги. Марк брал их и, справедливо считая, что зонг есть вершина какой-то сцены, выстраивал пьесу так, чтобы эти зонги находились на пиках драматургического развития.

Названные вами пьесы определили, можно сказать, мою судьбу, хотя еще до этого был период творчества с Петей Фоменко: мы вместе учились в педвузе и сочиняли с ним студенческие капутники. А поскольку я больше всего в театре люблю репетиции, то стал работать для театра, чтобы входить в него «с черного хода»: через служебные помещения — и в репетиционный зал. Когда же в зале появляются зрители, мое счастье кончается.

— Петя Фоменко — это Петр Наумович Фоменко, знаменитый режиссер? Значит, и он оканчивал педагогический? Как же он там оказался?

— Так же, как и сын «врага народа» Ряшенцев. В конце 40-х — начале 50-х нам ничего другого не светило. Подобным образом в нашей компании оказались Юлик Ким, Макс Кусургашев (ныне известный радиокomentатор), Ада Якушева и Юра Визбор... Я честно и не без удовольствия отрубил по распределению восемь лет пона-

чалу в печально известной 171-й школе. В нее со всего Свердловского района Москвы сгоняли трудновоспитуемых, чтобы показателем снижались не по всем школам, а только в этой одной. Воспитывать эту гоп-компанию какими-то увещеваниями было бесполезно. Мы пришли туда целой командой: девочки все красавицы, ребята — спортсмены. Мы сказали им: «Раз вы такие все из себя — сыграем в волейбольчик?». Они: «Да мы, да да, вое...». Короче, разделили мы их вчистую. Потом то же самое — в футбол. Потом: «Говоришь, блатные песни — это вещь, а знаете, что первой на Руси блатной песней была «Не шуми ты, мати, зеленая дубравушка» — та самая, которую ты вчера, Вася, не выучил?». А потом мы им спели Окуждаву, который только-только тогда появился. Потом пошли все вместе в поход. Максим Кусургашев сказочные места знал, а по повадкам мало чем от наших подопечных отличался — они его обожали! Да и все остальные нас тоже зауважали, даже подражали нам в одежде и в манерах.

Сейчас, правда, оглядываясь назад, я понимаю, что наши педагогические методы были чистой воды «макаренковщиной». Авторитетом силы. Когда я однажды стал им втолковать, что кулаками отношения не выясняют, в классе раздался громовой хохот: «Юрий Евгеньевич, а как вы вчера пьяного отделили, который к вам пристал?». Действительно, было такое, прямо около школы. Я ехал на уроки, как всегда, на велосипеде, и какой-то верзила так саданул по раме, что я и учебники — в разные стороны. Пришлось, естественно, разобраться...

Между прочим, я до сих пор помню то ощущение счастья, когда звенит звонок с урока, а мои хули-

ганы продолжают сидеть, не шелохнувшись.

— И в журнале «Юность» ваша педагогическая деятельность продолжалась?

— Ну, конечно. Ужасно горжусь, что «открыл» Алексея Дидурова, Викторю Иноземцеву, Инну Калыш, Диму Быкова. А вот Игорь Иртенев, Володя Вишневецкий, Витя Шендерович, наоборот, благодарят меня за то, что я их стихи завернул, сказав, что, как мне кажется, они плохие лирики, но зато интересные «иронисты».

...Если бы поговорка «Сапожник без сапог» не появилась задолго до рождения Ряшенцева, ее надо было бы придумать, глядя на него. Его ученики уже давно издаются, а у учителя лишь пару лет назад вышел сборник песен к фильмам, спектаклям и мюзиклам (где и «Гардемарины», и «Остров погибших кораблей», и «Белое солнце пустыни», и «Забывшая мелодия для флейты»). Администратор собственного таланта из Ряшенцева — просто никакой. К счастью, недавно его прозой заинтересовалось издательство «Воскресенье». Но лежит множество вовсе неизданных стихов. Пьесы — «Палкий мускат», «Плати за выпивку, этруска!», «Тяжкая забота Короля Доброхота». Совсем недолго шла «Саломея», поставленная театром «О'Кей» с замечательными работами Максима Суханова, Любови Полищук, Владимира Жоржа.

Наверное, Ряшенцев оказался заложником собственного блестящего таланта «паролье» (создателя стихотворных текстов для мюзиклов и музыкальных фильмов). В одном из шлягеров нынешнего театрального сезона — мюзикле «Бюро счастья» с Гурченко, Фоменко, Михайловым, Свиридовой тоже стихи Ряшенцева. Жаль, что спектакль не для широкой публики: цена билетов на уровне мировых стандартов, то есть в размере нескольких минимальных окладов. Сейчас вместе с Галиной Полиди он работает над новым проектом — переносом на российскую сцену мюзикла «Метро», поставленного Янушем Юзефовичем, польским режиссером, актером, хореографом и музыкантом в одном лице.

— В Польше спектакль идет с бешеным успехом уже восемь лет. Он объехал всю Европу, побывал на Бродвее... По замыслу Юзефовича, в нем не должны петь состоявшиеся профессионалы. В свое время он набирал талантливую молодежь со всей Европы. Там даже пели наши «Иванушки интернейшнл», представляете? Такой же кастинг в скором времени пройдет в Москве. Мы с Галей делаем русский стихотворный вариант. Работа сложнейшая, просто цирковая!

— А будет там новый хит от Юрия Ряшенцева?

— Для работы в кино и театре мне, видимо, нужно было взять псевдоним, чтобы отдельно существовал поэт Ряшенцев и был «некто» — создатель хитов. Но теперь уже слишком поздно...